

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und 70 pf. (4 fr.)
sonstigen Landern

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 5 (361)
16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на 1/2 г. — 40 фр.,
на 1/4 г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на 1/2 г. — 50 фр.,
на 1/4 г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca,
(Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прим по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11 — 1 ч.

12 Марта 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Тревожные дни.
П. Гарви. Кодификация террора.
А. Югов. Некоторые итоги (К плану на 1936 год).
С. Шварц. До улучшения еще далеко.
Литература и жизнь: В. Александрова. На пленуме писателей.
Ф. Д. «Что должен знать тов. Жиромский».

Заграницей: Съезд профсоюзного единства во Франции. —
Чрезвычайный съезд Бельгийской Рабочей Партии. — Социализм в Японии. — Среди чешских коммунистов. —
Американские социалисты и «поправка Хиллквита».
От редакции.
Почтовый ящик.
Издания, поступившие в редакцию.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Ничто так не характеризует крайнюю напряженность мировой обстановки, как то быстрое чередование крупнейших политических событий на всем восточном полушарии, которому мы были свидетелями за последние две недели. Военный путч в Японии, ратификация франко-советского пакта французской Палатой, очередная сессия Лиги Наций в Женеве и связанная с ней дипломатическая игра между Англией, Францией и Италией; английская Белая Книга о гигантском увеличении британских вооружений; интервью Гитлера с французским журналистом и ответ Сталина Гитлеру в чрезвычайно интересном интервью, к которому нам еще придется вернуться; сенсационное заседание германского рейхстага, на котором Гитлер денонсировал Локарнский и Версальский договор; вступление частей рейхсвера в демилитаризованную рейнскую зону; резкий протест французского правительства, передавшего свой конфликт с Германией на рассмотрение и решение Совета Лиги Наций, — вот краткий перечень тех истинно исторических событий, которые произошли на протяжении всего десяти-двенадцати последних дней.

Все эти на вид столь различные и многообразные происшествия связаны между собой на деле своеобразной причинностью — в центре их стоит гитлеровская Германия, лихорадочные ее вооружения и агрессивные планы, непосредственным поводом к ряду из них являясь франко-советский пакт.

В чрезвычайно интересной корреспонденции в «Дэйли Телеграф» от 2-го марта Пертинакс, один из наиболее

осведомленных французских журналистов правого крыла, с большой наглядностью вскрывает тот сложный переплет политических и военных соображений, которые побудили французские правящие круги, в том числе и в первую очередь французский Генеральный Штаб, склониться к идее пакта с Сов. Россией.

Результатом явилось соглашение от 2-го мая 1935 года, заключенное в Москве между Сталиным и Лавалем. Насколько эта политика в тот момент отражала настроения самых влиятельных военных кругов Франции, видно из того, что последние колебания Румынии были устранены категорическим заявлением: «Это необходимо!», сделанным в разговоре с Титулеско, «выдающимся генералом» (Вейганом).

Но по возвращении Лавала из Москвы начинается внутри - политическая трагикомедия. Поворот в политике Коминтерна и французских коммунистов, авторитетно подтвержденный и ускоренный знаменитым заявлением Сталина в беседе с Лавалем о «законности французских вооружений», которым ни один коммунист не должен мешать, — коренным образом изменил всю внутреннюю политику Франции.

Мелко-эгоистические выборные соображения взяли у патентованных патриотов и националистов верх над соображениями государственными и национальными. Против франко-советского пакта началась со стороны всех правых и реакционных группировок Франции яростная атака, усугубляемая, помимо всего прочего, конечно, еще тем внутренним «средством душ», которое

существует между фашизмом германским и французским, — их общей ненавистью к пролетариату и социализму.

В результате, ратификация соглашения от 2-го мая 1935 г. откладывалась до бесконечности. Но этим, у всех держав, которые имели основания быть недовольными этим договором, стимулировались надежды на то, что в конечном счете его удастся сорвать.

Эти надежды сыграли, может быть, некоторую отдаленную роль и в японских событиях. Выступление японских экстремистов произошло как раз в те дни, когда во Франции решался, наконец, вопрос о ратификации русско-французского договора. Возможно, что это простое совпадение. Но допустимо и предположение, что путч 26-27 февраля, организованный офицерской «младо-японской» партией, явился отчаянной попыткой в последний момент сорвать то развитие в Европе, которое в своем практическом воздействии могло бы оказаться опасным для планов японской военщины: прикрывая до известной степени европейский тыл Сов. Союза, франко-советский пакт развязывал ему руки на Дальнем Востоке.

Но как бы ни смотреть на японские события, нет уже ни малейшего сомнения в том решающем влиянии, которое сближение между Россией и Францией, нашедшее свое наиболее яркое выражение в только что ратифицированном пакте, оказало на политику Германии. Сенсационное интервью Гитлера было не только попыткой усыпить и обмануть бдительность Франции накануне задуманного денонсирования Локарнского договора, но и шахматным ходом для воздействия на общественное мнение Франции накануне ратификации франко-русского пакта, грозящего опрокинуть все великолепные розенберговские планы «экспансии на восток».

Гитлеровское интервью успеха не имело: французское общественное мнение с редким единодушием реагировало на предложение «вечной дружбы» со стороны германского нео-империализма. Оно отлично поняло, что оборотной стороной этой дружбы является превращение всей Средней и Восточной Европы в исключительную «сферу влияния» Германии. 28-го февраля французская Палата ратифицировала договор.

Тем не менее, французское правительство, как вытекает из официального заявления Сарро, с полным вниманием отнеслось к возможным предложениям германского правительства и уполномочило французского посла в Берлине в личной аудиенции у фюрера добиться конкретизации тех общих фраз, которыми было так богато интервью Гитлера. Но когда Франсуа Понсэ в назначенный ему срок явился в имперскую канцелярию, ему вручили знаменитую письменную «ноту» от 7-го марта, денонсирующую Локарнский договор и извещающую четыре правительства о вступлении частей рейхсвера в демилитаризованную зону.

Гитлер придрался к франко-советскому пакту для того чтобы ускорить выполнение той задачи, которую возродившийся в 1933 г. германский империализм давно уже поставил себе и которую он осуществил бы все равно, даже если-б русско-французского пакта от 2-го мая не существовало. Аннулирование Версальского и Локарнского договоров, в частности уничтожение демилитаризованной зоны, входило в программу-минимум всех тех сил германского милитаризма и империализма, на которых покоится здание современного режима в Германии.

Участь этих договоров со всеми вытекающими последствиями была, говоря исторически, предрешена в тот момент, весной 1933 г., когда «союзные державы», — в свое время, в январе 1922 г. не остановившиеся перед оккупацией Рура у Веймарской республики в наказание за несвоевременную поставку леса, — ровно

ничем не реагировали на уничтожение германской демократии и установление в сердце Европы военно-фашистской диктатуры, прокламированной целью которой являлось восстановление военного могущества германского империализма. Международная социалдемократия может с полным основанием указать на то, что неприимимо-заносчивое отношение победителей 18-го года к молодой и слабой германской республике, стоявшее в столь разительном противоречии к их мягкости по отношению к германской реакции, является одним из основных, если не самым основным моментом, способствовавшим возрождению и победе реванистских и милитаристских и гитлеризма в Германии. День занятия Рура (и связанной с этим инфляционной катастрофы) был по истине днем победоносного рождения «национал-социализма» в Германии. 11-ое января 1933 г. родило 26 января 1933 и 7 марта 1936 г.

Германский акт 7-го марта не был ни для кого, существу, неожиданностью. Но он был ускорен, может быть, франко-советским пактом. Само собою разумеется, что формально-юридически ссылка на пакт была простой придиркой. Французское правительство юридически занимает бесспорную позицию, когда указывает на нарушение Германией п. 1-го Локарнского договора, обязывающего договаривающиеся стороны обращаться к международному разбирательству, а не просто разрывать договор, даже в том случае, если пакт этот одной из сторон кажется нарушенным.

Уже значительно труднее будет моральная позиция этих стран. Почему, действительно, должна существовать демилитаризованная зона в Германии, а не в Франции или Бельгии, спросит Гитлер (и поддержит консервативная английская печать)? Почему должны быть увековечены неравноправие Германии на почве вооружений? Социалистам было бы нетрудно ответить эти вопросы и разоблачить все лицемерие воплей «равноправия» Людендорфов, Гофманов, Бломбергов, Шахтов, которые были авторами или вдохновителями Брест-Литовска, и которые показали бы миру, что такое мир «потсдамский», если-бы в 1918 году победила коалиция германская, а не антантовская. Им было нетрудно мотивировать отказ в праве на довооружение фашистской диктатуры.

Но с точки зрения «абстрактного права» представителям Франции будет уже не так легко доказывать, что Германия никогда и ни при каких условиях не должна иметь суверенных прав на своей собственной территории.

Но если от юридических и моральных тонкостей ратиться к политическим и военным реальностям, то совершенно ясно, что демилитаризация рейнской зоны продиктована Германии не «юридическими правонарушениями Франции» и даже не только стремлением восстановить попорченную «национальную честь», а раздо более прозаической стратегической заботой использовать эту зону для того, чтобы на ней выдвинуть цепь укреплений, подобную той «линии Мажино», которую вдоль левого берега Рейна построила Франция. Наличие такого непроницаемого барьера позволит Германии фактически парализовать те пункты советско-французского пакта, которые обязывали Францию прийти на помощь России в случае германской агрессии. Денонсирование военных пунктов Версальского договора, формально направленное против Франции и Бельгии) фактически своим острием обращается против России. Это дальнейший этап на пути к подготовке «экспансии на Восток».

Французское правительство торжественно заявляет протест против поведения гитлеровского правительства нарушающего свои договорные обязательства. Воп

этот передан на рассмотрение Совета Лиги Наций, гарантировавшей Локарнский договор. Как мы уже указывали, позиция Франции и Бельгии будет тут несомненно очень выигрышной. Но какие реальные результаты может дать решение Совета Лиги Наций? Теоретически мыслимы санкции, прежде всего экономического и финансового характера. И при нынешнем крайне напряженном экономическом положении Германии система действительных санкций, беспощадно проведенных Лигой Наций, могла бы оказаться чрезвычайно действительным дополнением к той политике бойкота, которая давно уже проводится против германского фашизма организованным международным пролетариатом. Чрезвычайное обострение кризиса и безработицы, дальнейшее усиление продовольственных затруднений, которые и сейчас уже принимают в Германии крайне серьезный характер, все это в своей совокупности могло бы привести к тяжелым внутренним потрясениям, явилось бы мощным орудием давления на гитлеровское правительство, если даже не средством для его свержения.

Но имеются ли какие-либо реальные шансы на осуществление подобной системы санкций? И, прежде всего, есть ли основания рассчитывать на принятие такого принципиального постановления Советом Лиги Наций? Достаточно вспомнить историю с принятием и проведением санкций против Италии, чтобы отдать себе отчет в том, насколько мало реальными являются расчеты на то, что Лига Наций примет и проведет в жизнь эффективную систему санкций против такого экономического и военного гиганта, как Германия.

Все добрые французские патриоты, потратившие столько сил и энергии на саботирование санкций против Италии, поймут, может быть, наконец, какую поистине предательскую работу они совершили не только по отношению к организации общей системы «коллективной безопасности», но даже непосредственно по отношению к национальным интересам Франции. Но так

Кодификация террора

В свое время на страницах «С. В.» был вскрыт в ряде статей политический смысл наиболее крупных изменений в области советской юстиции. Но сведения Крыленко на сессии ВЦИК в одну общую картину, они создают впечатление прямо кошмарного сгущения репрессивной деятельности советского государства, теряющей всякое подобие права, даже революционного права.

Не случайно в обоснование и оправдание этого чудовищного усиления судебной репрессии Крыленко приводит бесконечные цитаты из статей и речей Ленина, относящихся к эпохе гражданской войны. Как если бы гражданская война продолжалась, как если бы белые армии подходили к Орлу, как если бы эскадры интервентов на всех морях, омывающих Россию, и сейчас грозили зажать советскую страну в огненное кольцо блокады!

Поражает рефлекторный, почти конвульсивный характер новейшего репрессивного законодательства. Бегство Кирова, бегство советских летчиков за границу, членовредительство, учиненное хулиганствующей молодежью или малолетними преступниками, — немедленно вызывают паническую реакцию «и зумало ни спуганной власти» (выражение Бакунина) не только в порядке террористической расправы без суда, но и в виде скорострельного законодательства, закрепляющего «правовой нормой» террористическую расправу по суду.

или иначе сейчас уже поздно об этом жалеть. Ясно лишь, что при создавшихся в данной ситуации обстоятельствах расчет Гитлера может, к сожалению, оказаться правильным: организация Лиги Наций не в силах будет и даже вряд ли захочет предпринять против международного правонарушителя реальные шаги. Вряд ли найдется много правительств, которые захотят взять на себя ответственность за усиление экономической неурядицы, неизбежно связанной с проведением санкций против Германии, и вряд ли будет много охотников среди буржуазных политиков Европы действительно способствовать разжиганию пролетарской революции против гитлеризма.

Надо считаться с вероятностью, что Л. Н. в ее нынешнем состоянии постарается отделаться от трудной проблемы какой-либо хитроумной резолюцией и уклонится от решительных шагов. Это будет означать, что подготовка войны германским фашизмом пойдет дальше, если только внутренние силы германского пролетариата не положат предела этому роковому для всего человечества развитию. Но это и будет означать, что для мирового пролетариата, стремящегося предотвратить катастрофу, не будет иного выхода, как, борясь за власть и за руководство военной политикой своих государств, со своей стороны способствовать созданию такого мощного блока стран, не желающих войны и готовых бороться против ее зачинщика, чтобы одно его существование заранее и заведомо для всех, в том числе и для вероятного агрессора, с абсолютной достоверностью обрекало на поражение всякую попытку войны. Такой блок, созданный государствами под давлением рабочего класса и контролируемый Лигой Наций, превращенной в подлинный союз демократических государств, мог бы сыграть огромную роль в защите мира.

Франко-советский пакт лежит на этой линии. Его ратификация, активно поддержанная, несмотря на ряд первоначальных оговорок, и французскими социалистами, является шагом вперед на пути к обеспечению мира.

Это судорожное «правотворчество», дополняющее судебной расправой бессудный террор ГПУ, находится как будто в кричащем противоречии с отталкиванием теории и практики диктатуры от «левацких перегибов» в других областях советской жизни. Раствор «ножниц» получается огромный и непонятный на первый взгляд, — если не принять в соображение противоречивости современной, эволюции советского строя, в которой тенденция к отказу от левацких перегибов во всех почти областях культурной и хозяйственной жизни сочетается с тенденцией к перерождению советской власти в сторону тоталитарной диктатуры нарвождя Сталина.

Мы неоднократно указывали на противоречие между утверждаемым апологетами генеральной линии социалистическим характером советской экономики и советского «бесклассового» общества, с одной стороны, и усилением террористического курса советской власти, с другой. Область права есть та именно часть «настройки», которая ближе всего соприкасается с областью чистой политики, с организацией и функционированием государственной власти. Когда с высот Кремля было торжественно возведено о завершении социализма и о переходе к бесклассовому обществу, иные наивные коммунисты заговорили о логических выводах из этой эволюции, и прежде всего об «отмирании государства», т. е. о смягчении режима террора хотя бы в отношении трудящихся. Крыленко предвидит это воз-

ражение против кодификации бесшабашного террора на завершительном этапе социалистического строительства. И он парирует это возражение цитатой из речи Сталина на 16-ом съезде ВКП: «Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата... Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула».

Это «диалектическое» обоснование усиления террористической диктатуры именно в виду успехов социалистического строительства и перехода к бесклассовому обществу Крыленко пытается привлечь и к объяснению разительного несоответствия между утверждаемым всесветно упрочением советской власти и усилением судебных репрессий. «Либералы и оппортунисты всякого рода» говорят: «Чем крепче, чем сильнее страна, тем больше мы, мол, можем мирволить нашим врагам». С таким выводом Крыленко решительно не согласен: «Нет, нет и нет!» Чем крепче страна, чем она мощнее, тем с большей силой карающий меч революционного правосудия должен обрушиваться на правонарушителей, будь то идейные террористы или хулиганы с «финкой», изменники родины или малолетние преступники, неплательщики алиментов или педерасты, продовые совторговцы или нерадивые летчики, хозяйственники, виновные в выпуске недоброкачественной продукции, или рабочие, невыполняющие норм выработки».

Получается странный парадокс! Когда законы в России, по слову Ленина, писались безответственными чиновниками в интересах и «для удобства» помещиков и буржуазии, смертная казнь за уголовные деяния не фигурировала вовсе в уголовном уложении. Но и за политические преступления несовершеннолетние не подвергались смертной казни. Смертная казнь для детей 12-летнего возраста была попросту немыслима. О том, чтобы наказывать ни в чем неповинных членов семьи преступника и «присных» его не могло быть тогда и речи. А когда законы пишутся коммунистической властью в условиях «победившего социализма» и якобы «для удобства» рабочих и крестьян, то даже дореволюционное правосудие, даже классовые законы эпохи паризма кажутся недостижимым идеалом гуманности. Для всякого подлинного социалиста такое положение дел непереносно. Кодекс Сталина, возводящий перманентный террор в закон, является клеветой на социализм и на революцию.

В эпоху революции крутая ломка права становится исторической необходимостью и в этом ее оправдание. Но в данном случае пред нами на 19-ом году революции ломка права не столько в интересах народных масс, не столько «для удобства» классов, сделавших революцию, сколько для удобства переродившейся диктатуры и ее носителей. Не о силе, а о слабости этой диктатуры; не о связанности, а об отрыве ее от классов, вынесших ее на поверхность, свидетельствует необходимость прибегать к кодификации методов гражданской войны, к возведению террора в норму закона. Напрасно Крыленко, шеголяя революционной откровенностью советской юстиции, пытается представить террористическое кодификаторство, как орудие классовой борьбы пролетариата против его недобитых врагов, помещиков, буржуев и кулаков. Ведь сопротивление этих ликвидированных классов давно уже сломлено. Ведь даже по собственному сверх-пошлону и сверх-циничному — с нездоровым хохотком — замечанию Крыленки, остаткам эксплуататорских классов настолько «некуда податься», что они, наряду с отбросами общества и не в пример трудящимся, «занимаются... педерастией».

Но в том то и дело, что в подавляющем большин-

стве случаев современные правонарушители, против которых направляется аппарат репрессий, это не «недобитки» ликвидированных эксплуататорских классов, выходцы из нового «бесклассового» общества. Убийцы Кирова и бежавшие за границу летчики, хулиганствующая молодежь и малолетние преступники из беззорных, нерадивых рабочих и колхозники, посягающие на «социалистическую собственность», недобросовестные совторговцы и хозяйственники — все они упорны по признаку социального происхождения. Рост преступности нельзя на 19-ом году советской власти объяснять только наследием старого режима.

Усиление карательной системы свидетельствует тогда и всюду о слабости «профилактической» борьбы с преступностью, о расшатанности народного правосознания, о неустойчивости существующей системы общественных отношений, о материальной нужде масс. Крыленко не хочет признать правду и пытается оправдать усиление репрессий за самые различные преступления — политического, уголовного и гражданского характера — «борьбой за революционный порядок, определенный правовой строй, за правовую атмосферу в нашем социалистическом отечестве». Но какая правовая атмосфера может создаваться в режиме террористической диктатуры? О каком правовом строе, выделяющем некую автономную государственную сферу деятельности для отдельного гражданина и для свободных союзов граждан, может идти речь в «тоталитарном» государстве, построенном на двухэтажном терроре — административном и судебном?

В правовом строе законы связывают не только население, но и власть. В правовом строе население моральным отвержением преступности создает опору законности и порядка. Если бы не было в советской России розни между бесправным населением и безответственной властью, разве нужно было бы вносить в родине внедрять и обеспечивать чудовищным законом об измене, который не останавливается перед автоматическим наказанием семей и иждивенцев, не причастных к преступлению изменника? Если бы не было пропасти между властью и страной, разве нужен был закон о террористических актах, требующий окончания следствия в 10-дневный срок, вручения обвинительного акта заключенному за одни сутки до рассмотре-

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно купить в следующих киосках Г А Ш Е Т

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журналов (от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа

дела, слушания дела без участия сторон, т. е. защиты и обвинения, запрещения кассационного обжалования приговора и подачи ходатайства о помиловании и, наконец, смертной казни осужденного немедленно по вынесении приговора? Ведь даже военно-полевые столыпинские суды не доходили до подобного «ограничения процессуальных прав обвиняемых», как скромно выражается Крыленко...

С лицемерием, соперничающим лишь с его явно болезненной жестокостью и цинизмом, Крыленко говорит о группе новых законов, имеющих главной целью «переработать нас самих, воспитать в нас самих нового человека, новое отношение к труду и производству, новое отношение к общественной собственности, новые отношения в быту». Благая цель! Высокая цель! Мы не анархисты, не толстовцы, не нигилисты права. Но мы твердо убеждены в том, что юридические формы, в ко-

торые отливаются благие цели наркома юстиции, подобно средневековым приемам пытки, могут привести не к воспитанию «в нас самих» нового, социалистического человека, а лишь к огрубению и одичанию людей советской страны. Бесправие и насилие не перестают быть факторами, деморализующими и власть и население, даже тогда, когда они кодифицируются и облачаются в форму писаного права. Пока советская юстиция остается служанкой диктатуры и диктатора, она не может заниматься ничем иным, как дублированием ГПУ и его «жестких» методов перековки — или уничтожения — людей. Рабочий класс Сов. России не может, не должен нести ответственности за крыленковскую настылку на крови, кощунственно выдаваемую за социалистическое правотворчество пролетарского государства.

П. Гарви.

Некоторые итоги (К плану на 1936 год).

Процесс укрепления и оздоровления хозяйства СССР, определившийся уже в 1934 году, продолжался с еще большей отчетливостью в 1935 г. Продукция промышленности за год возросла на 20,7%, грузооборот железных дорог на 26,2%, продукция сельского хозяйства на 11%. Хотя все эти данные, исчисленные в пределах 1926-27 г., весьма условны, но они все же позволяют сделать вывод, что темп роста народного хозяйства был и в текущем году очень велик, притом что он превышает рост прошлого года. Впервые за много лет удалось достигнуть значительных успехов и в области легкой индустрии, и в развитии животноводства. Удалось добиться повышения качества продукции и некоторого снижения себестоимости. За истекший год значительно укрепилось финансовое хозяйство страны и создались благоприятные условия для стабилизации денежной единицы. В области внешней торговли торговый баланс оказался вновь активным, притом увеличился экспорт промышленных изделий (70%) и уменьшился экспорт сельско-хозяйственной продукции (30% всего экспорта).

Для истекшего года особенно характерно, что успехи были достигнуты одновременно во всех областях хозяйства и что год прошел под знаком ровного роста без обычных для прошлых лет «прорывов» и «ударных кампаний».

В настоящей статье мы хотим сделать некоторые выводы и оценки не столько в форме статистических итогов, сколько в форме обобщения новых явлений и тенденций в области экономики и экономической политики советской власти*).

Мы раньше всего с интересом отмечаем, что даже среди принципиальных противников советской России все меньше и меньше остается экономистов, отрицающих самый факт быстрого роста советской экономики. «Знамя России», «Современные Записки», «Последние Новости», «Бюллетень Прокоповича» перестали уже писать о «постройке фараоновых пирамид», об успехах лишь в технике, а не в экономике, о «необходимости русскому сельскому хозяйству тракторов и комбайнов» и т. п., а вынуждены хотя бы сдержанно констатировать улучшение и в области индустрии, и в транспорте, и в сельском хозяйстве. В этом году впервые после многих лет со столбцов эмигрантской печат-

ти совершенно исчезли очередные предсказания о предстоящем голоде.

Мы не раз писали, что в СССР очень дорогой ценой со срывами и зигзагами происходит быстрый процесс индустриализации страны, и более медленный процесс технического и экономического подъема сельского хозяйства. Но мы указывали, что этот процесс производится за счет обнищания и недоедания широких рабочих и крестьянских масс. Мы оценивали эту политику советской власти, как анти-социальную и угрожающую контр-революционным срывом. Но кроме того, пренебрежение советской власти к интересам крестьянских масс ставило, по нашему мнению, предел успехам в области оздоровления всего народного хозяйства.

Действительность подтвердила оба наших прогноза. К концу первой пятилетки экономика СССР раздиралась диспропорциями и противоречиями: обнищание крестьянства оказалось невозможным преодолеть самими суровыми директивами Политбюро. С 1932 г. советская власть медленно, нерешительно, противоречиво, врозницу, но начала отступление. Сейчас мы можем констатировать не только то, что за последние два года произведено серьезное отступление сов. власти от принципов генеральной линии, но и то, что удалось преодолеть «прорывы» и осуществить в 34 и 35 гг. новый подъем и оздоровление народного хозяйства именно благодаря цепи частичных отступлений, произведенных за эти годы.

Индустриализация требовала громадных средств, которые можно было взять только в деревне. Но вся политика советской власти периода генеральной линии ограничивала возможности накопления даже крестьянско-колхозников. Принудительными мерами советская власть ухитрялась изымать из деревни до 50% крестьянского дохода, но сам этот доход был очень мал и не обнаруживал никаких тенденций к увеличению. Пришлось искать других путей.

Мелкими дозами, но в итоге было произведено существенное отступление. Достаточно оглянуться на пройденный путь. Конечно, советская власть не отказалась от коллективизации (к 1936 году средний процент коллективизации поднялся до 87% всех крестьянских хозяйств), но она отказалась от произвольных изъятий продукции у крестьян, она определила точные размеры продукции, подлежащей сдаче государству, дважды специальными декретами уменьшила эту долю,

* Итоговый цифровой материал см. наши статьи: «Советская индустрия в 1935 г.» («С. В.» № 16 за 1935 г.) и «Бюджет 1936 г.» («С. В.» № 3, 1936 г.).

увеличила заготовительные цены в среднем вдвое по сравнению с 1934 годом*). Она предоставила крестьянству право свободного сбыта продукции после исполнения госпоставки. Она легализовала право колхозников на усадебное хозяйство. Она значительно расширила права крестьян на индивидуальное животноводство и на использование различных подсобных промыслов. Она, наконец, упорядочила организационную систему и управление колхозного хозяйства, регламентировала доходы колхозников в зависимости от их работы и ограничила темпы накопления «неделимых капиталов» самих колхозов. Колхозной молодежи были даны широкие и действительные возможности культурного роста и социального продвижения. Крестьян в правовом отношении уравнили с рабочими, им пообещали даже «демократические» выборы. Но если даже отбросить все обещания и все полууступки, сводимые на нет противоречивой практикой, то даже и после этого, условия, в которых живут сейчас колхозные крестьяне хозяйственно улучшились по сравнению с теми, в которых они жили два года тому назад. Со стороны экономической наиболее существенно то, что сейчас узаконено право на личное накопление колхозников и что рост зажиточности перестал быть позорным пятном, скрываемым колхозным крестьянином. Когда мы, социал-демократы, в период генеральной линии выдвинули требования превращения принудительных колхозов в свободные и предоставления крестьянам права на распоряжение продуктами их труда, как основные условия подъема сельского хозяйства, коммунисты нас облыжно зачислили в ряды тех, кто хочет вернуться назад к мелкому крестьянскому хозяйству. Между тем жизнь показала, что достаточно было советской власти сделать на рекомендуемом нами пути несколько нерешительных шажков, как сразу почувствовалась разительная перемена. В 1933-34-35 гг. хоть с небольшими колебаниями, но неизменно продолжается рост сельско-хозяйственной продукции, а в 1935 году удалось, наконец, добиться перелома в области животноводства и повышения урожайности технических культур.

Яковлев в своей последней речи картинно изобразил современную политику советской власти: советская власть решила, мол, впрямь в сельско-хозяйственную телегу коренником — колхозы, а пристяжной — усадебное хозяйство. Это последний мудрый вывод, от которого задумалась советская власть после миллионов жертв и многомиллиардного разорения. Но это сравнение дает неверное представление, будто усадебное хозяйство играет лишь скромную подсобную роль. Отчеты многих колхозов, в том числе украинских, казакских и казахстанских, показывают совсем иную картину. Отдельному колхознику его усадебное хозяйство, особенно если он занимается производством технических культур или животноводством, дает в 2, а часто и в три раза больше дохода, чем весь его доход за трудодни, отработанные в колхозе («Соц. Рекон. С. Хоз.» № 1, 1936 г.). Отдельный колхозник работает в колхозе главным образом для государства — для уплаты налогов, повинностей, для увеличения многочисленных фондов колхозов, для улучшения колхозного инвентаря и орудий. Конечно, рост благосостояния колхозов косвенно и в будущем означает рост благосостояния и отдельного колхозника. Но

*) Интересно отметить, какую ничтожную плату и в настоящее время советская власть уплачивает крестьянству за зерно, сдаваемое в порядке добровольной продажи. Нам удалось исчислить, что в 1934 г. советская власть в среднем платила за кг. зерна 13 коп., а в 1935 г. — со всеми премиями уплачивала 27 коп., т. е. в 7,5 и 4 раза дешевле той цены, по которой советская власть продает этот хлеб.

это обстоятельство до сознания отдельного колхозника при современной структуре управления колхоза ходит весьма медленно. Пока же что личное благосостояние колхозника и его семьи определяется главным образом тем доходом, который дает его усадебное хозяйство. Иное положение у отдельных колхозников ударников и стахановцев. Но масса крестьянства живет, кроме хлеба, в значительной мере за счет своего усадебного хозяйства.

Конечно, основную массу зерна и технических культур поставяют для индустрии и пропитания городов — колхозные хозяйства. Только благодаря колхозным объединениям и произведенным в них техническим реконструкциям с.-х. производства удалось в относительно короткий срок восстановить все разрушения, перенесенные в годы гражданской войны и продолжительной коллективизации. Но совершенно иначе стоит дело со всеми другими продуктами сельского хозяйства. Молоко, масло, молочные продукты, свинина, птица, яйца, овощи, фрукты, мед, грибы и пр. — эти продукты появились в деревне, а затем и в городе только после колхозных послаблений и раскрепощения усадебного хозяйства. Нарком Пищепромышленности, Микоян, торжественно объявил, что «проблемный вопрос в СССР решен». Его заявление слишком категорично, но и тот верный факт, что в 1935 г. в Советском Союзе стало жить несколько иначе, надо отнести не столько за счет роста продукции пищевой промышленности, сколько за счет активной проявленной крестьянами в их усадебном хозяйстве. Достаточно подсчитать, сколько приходится продукции основных отраслей пищевой промышленности на душу населения СССР. В 1935 г. приходилось в год на душу населения по 3 кг. мяса, 3/4 кг. масла, 5 банок консервов, 4 кг. сахара, 1 кг. колбасы и т. д. Достаточно исчислить, что продуктов пищевой промышленности произведено на одного жителя всего на 100 руб. в год, чтобы стало ясно, что население страны в первую очередь крестьянство, питается главным образом не за счет продукции пищевой промышленности, а благодаря тем продуктам, которые крестьянство произвело в колхозном и в своем усадебном хозяйстве. Вышло на продажу на сельские и городские базары. Не столько быстрый рост пищевой промышленности, сколько декреты, раскрепостившие крестьянское хозяйство, определили рост снабжения населения продуктами питания. Даже небольшие уступки, сделанные советской властью, определили относительно быстрый подъем различных отраслей сельского хозяйства. И чем решительнее и последовательнее советская власть вступила на давно рекомендуемый нами путь, тем больше оснований думать, что благосостояние широких масс населения станет фактом ближайшего времени.

Если колхозы превратятся в свободные самостоятельные кооперативные организации, если МТС будут командирами колхозов, а, наоборот, будут подчинены колхозным организациям, если, наконец, продукция колхозов будет принадлежать самим производителям и цены на нее станут поэтому хозяйственно целесообразными, то сельское хозяйство СССР в кратчайший срок сможет удовлетворять нужды не только крестьян-производителей, но и городского населения всего народного хозяйства СССР.

Второе очень важное отступление было произведено в области торговли. Отказ от точной системы, переход на открытую торговлю, ликвидация распределительских принципов, учет потребностей потребителей, разрешение колхозных базаров, привоза продуктов колхозниками из деревень — это оздоровило и совершенно изменило торговый парат города. В том же самом направлении действовало

ло и повторное снижение цен на продукты госпромышленности. Конечно, новая реформированная госторговля еще далеко не удовлетворяет нужд населения в товарах, особенно в небольших городах и сельских местностях. Но все же в стране явно обозначился перелом: у потребителя появилась уверенность, что не нужно создавать страховые запасы и что потребные продукты можно достать без «блата» и протекции. Начала зарождаться новая психика, и не только в смысле узаконения социального неравенства, но и в смысле укрепления у массового потребителя здоровой уверенности, что госторговля и колхозный базар своевременно обслуживают его насущные нужды.

Но одновременно обострилась борьба рабочих масс за повышение их реальной зарплаты, ибо отмена нормированного классового снабжения не сопровождалась соответствующим поднятием среднего денежного заработка.

Новые обстоятельства определились и в индустрии. Период реконструкции тяжелой индустрии явно закончен. Конечно, и впредь производство средств производства будет развиваться быстрым темпом. Новое в том, что центр внимания власти переносится в область производства для нужд населения, что производство ситца или масла перестает быть делом второго порядка по сравнению с производством металла и угля. Таков основной смысл плана 1936 года. В новом плане это нашло лишь символическое выражение в виде увеличения ассигновок на нужды легкой и пищевой индустрии, но в речах эта новая тенденция была подчеркнута весьма решительно. Неслучайно речь Микояна была в центре обсуждения ЦИК'а. Это меняет психологию и тех, кто определяет характер производства, и тех, кто потребляет. В 1932 г. Сталин обещал, что отныне будет поставлена задача удовлетворения нужд рабочего как потребителя. Мы в свое время догадывались, что на путях неурезанной генеральной линии невозможна реализация сталинского обещания. Четыре года пришлось ждать, пока наконец сов. власть приступила к осуществлению этого обещания. Сейчас мы видим, что даже первые незначительные шаги в этом направлении оказались возможны только после некоторого удовлетворения частно-хозяйственных интересов крестьянства. Как мы показали выше, удовлетворение нужд городского потребителя в пищевых продуктах осуществляется в значительной мере благодаря подъему сельского хозяйства, но и рост продукции легкой индустрии оказался возможным только после того, как крестьянство увеличило размеры производимого им с.-х. сырья.

Мы думаем, что если государство пойдет последовательно по пути удовлетворения интересов широких слоев населения, то оно должно будет разгрузить свое внимание от «мелочей» и должно будет предоставить большую свободу кустарной и производственной кооперации, а быть может и легализовать существование мелкого ремесленника.

Существенные изменения за последнее время произошли и в области планирования.

Планы на 1935 и 1936 г. стали более скромными по своим размерам и поэтому более реальными. Государство овладело техникой управления предприятиями и научилось составлять более жизненные планы. Но и самый характер планирования существенно изменился. Как мы ранее указывали, во всех областях, где рынок играет решающую роль, пришлось вместо твердых планов вступить на путь более гибкого регулирования, с учетом законов спроса и предложения. В настоящее время размеры производства тех или иных продуктов определяются не только планом, но и спросом потребителя, и цены на них определяются в значительной мере сред-

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания:

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем.-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 франц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герм. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 фр. франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем.-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 20 франц. фр.
6. „LE COMBAT MARXISTE“ — ежемесячный журнал, цена за год — 10 фр.
7. „LA BATAILLE SOCIALISTE“, цена за год — 10 фр.
8. „LA GAUCHE REVOLUTIONAIRE“, цена 10 №№ — 5 фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.

ними рыночными ценами. Стремление к укреплению покупательной способности рубля заставляет и в хозяйственном расчете всего предприятия, и при калькуляции цены считаться с законами денежного рынка. Создалось положение по внешности парадоксальное, но по существу вполне закономерное: качество планирования улучшилось, поскольку советская власть ограничила область и объем планирования.

Как общий итог последних двух лет приходится сказать, что хозяйство Советской России укрепилось лишь постольку, поскольку советская власть существенно изменила свою политику в отношении крестьянства и начала считаться с частно-хозяйственными интересами крестьянина, как потребителя и производителя.

Но с другой стороны, надо со всей отчетливостью понять, что оно перестало быть хозяйством нужды и нищеты, что оно перестало быть хозяйством, переходящим от одной катастрофы к другой. Надо отдать себе отчет в том, что хозяйство Советской России, несмотря на многочисленные трудности, ему еще предстоящие, сейчас, на фоне общего мирового кризиса, одно из наиболее благополучных хозяйств. И если не разразится война, то СССР предстоит быстрое хозяйственное развитие не только потому, что он имеет громаднейшие природные богатства, не только потому, что в СССР нет проблемы сбыта, но и потому, что в СССР действует хотя и несовершенная, но плановая организация хозяйства и что страна обладает первоклассной в техническом отношении индустрией и крупным коллективизированным высоко-товарным сельским хозяйством.

Впереди предстоит еще немало сложностей и диспропорций роста, но опасность экономических катастроф, угрожающих существованию всей хозяйственной системы, снята с очереди. Но с тем большей остротой в СССР уже стоят и станут в порядок дня вопросы социальные, проблемы распределения того богатства, которое производит страна и в городе и в деревне. Борьба за долю продукта, борьба за культурное и материальное благосостояние. Это те области, где в ближайшее время будут подводиться итоги революции. Дифференциация внутри рабочего класса, стахановские увлечения немногих и резкое недовольство рабочей массы этими увлечениями — лишь первые симптомы этого процесса. Со всей остротой вста-

нет вопрос о взаимоотношениях города и деревни, о доле крестьянства, о распределении продуктов внутри деревни, внутри колхоза. Встанет вопрос о той доле, которую получают трудящиеся на заводе и в колхозе, какую берут себе органы управления государства — бюрократия во всех ее видах и обличьях. В своеобразной форме встанет борьба за прибавочный продукт, за размер его, за его распределение. И здесь то со всей остротой постепенно выявится, какой слой в советской социальной структуре персонифицирует так называемое коллективное владение орудиями производства.

Если у рабочего класса СССР хватит силы добиться права на самостоятельность и на организацию защиты своих классовых интересов, то в начавшемся процессе

подведения итогов революции, рабочий класс не будет отброшен с завоеванных позиций и СССР консолидируется и экономически и политически на началах союз сделавших революцию классов — пролетариата и крестьянства. Если же диктатура будет продолжать политику маневрирования и лавирования, то она будет захлестнута волною пореволюционных сил, втянута в процесс перерождения бытовым разложением самих носителей диктатуры, и тогда термидорианский конец революции станет неизбежным.

Русская социалдемократия должна звать рабочий класс СССР на борьбу за своевременное соглашение пролетариата и крестьянства, возможное лишь в рамках демократизации всего государственного управления СССР.

А. Югов.

До улучшения еще далеко

Вот если бы можно было упразднить память! А то ведь получается совсем конфуз. Давно ли казенные ораторы твердили на все лады, что стахановское движение не будет сопровождаться пересмотром норм выработки? И нашлось немало доверчивых людей, которые и в самом деле приняли это заявление всерьез. Их ждало тяжелое разочарование. В конце декабря пленум ЦК ВКП вынес постановление о «некотором повышении» норм выработки, оговорив, правда, при этом, что «нынешние расценки должны быть сохранены» («в условиях прогрессивной сдельщины»). Сейчас повышение норм выработки уже осуществляется; оно выражается 20-30-40 и более процентами (в печати отмечены случаи повышения норм выработки до 72%). Вот тебе и «некоторое» повышение!

Но еще хуже выходит с расценками. Как и можно было опасаться (см. «С. В.» от 10-го января с. г.), в официальной формуле о сохранении прежних расценок в условиях прогрессивной сдельщины центр тяжести лежал в оговорке о прогрессивке. Намеренно загадочная формулировка постановления должна была создать впечатление, будто расценки в большинстве случаев вообще не будут пересмотрены. Это должно было примирить пока с пересмотром норм выработки (тем более с «некоторым» пересмотром). А потом ведь можно будет «разъяснить» и вопрос о расценках. Искусством дозирования сообщений о неприятных фактах наша бюрократия владеет в совершенстве. Сейчас в вопрос внесена ясность: расценки остаются, как правило (как правило! но и это правило допускает неограниченное количество исключений), неизменными только там, где уже раньше применялась прогрессивная сдельщина. Там же, где прогрессивная сдельщина только сейчас вводится, и тем более там, где и сейчас нет еще прогрессивной сдельщины, для понижения расценок нет никаких препятствий.

Если у кого-либо и могли еще оставаться на этот счет сомнения, они рассеялись после состоявшейся в первой половине февраля отраслевой конференции по пересмотру норм выработки в авто-тракторной промышленности. Председатель ЦК союза рабочих автомобильной промышленности Здобнов выступил на конференции с заявлением о недопустимости пересмотра расценок не только при прогрессивке, но и при прямой сдельщине. При этом Здобнов имел еще осторожность сослаться на декабрьское постановление ЦК ВКП. Ну и досталось же злополучному оратору! Против «здобновщины» была немедленно организована «буря возмущения» (техника таких оказательств разработана у нас превосходно), и Здобнов сам поспешил заявить об «ошибочности» своего выступления

и о своем желании «в дальнейшей работе исправить свою ошибку». А давно ли Молотов, предвосхищая Здобнова, говорил на пленуме ЦИК'а о «крупнейшем значении», которое имеет «решение провести пересмотр норм выработки без изменения расценок с увеличением фонда заработной платы» («Правда» от 11-го января)?

Пересмотр норм выработки и сдельных расценок проводится сейчас со всей энергией. К чему это должно привести в области заработной платы? Каковы перспективы развития заработной платы на ближайший период?

Месячный заработок, исчисляемый в среднем для всех рабочих и служащих, должен был, по плану, подняться в среднем за 1935 год на 171½ руб. Отмена с 1-го октября нормированного снабжения и стахановское движение, сопровождавшееся значительным повышением заработков для части рабочих и служащих, привели к нарушению плановых наметок, и в среднем за год месячный заработок рабочих и служащих достиг в 1935 году 189½ руб. Планом на 1936 г. намечено дальнейшее повышение среднего заработка на 8,5%, в том числе промышленности на 10,2%; для рабочих и особенно для массы низших и средних служащих непромышленных предприятий и учреждений, о тяжелом положении которых только что напомнил наш Московский корреспондент (см. предыдущий № «С. В.»), повышение заработной платы по сравнению с 1935 г. должно быть таким образом еще значительно ниже 8,5%. При этом Молотов угрожающе предостерег уже в упомянутом выше докладе на пленуме ЦИК'а про «срыва финансовой и бюджетной дисциплины в наших предприятиях и учреждениях, что имело место в виде значительных перерасходов по фондам заработной платы в прошлом году».

Но даже и это очень скромное повышение среднего уровня заработной платы на 8,5% — очень скромное в виду жалкого уровня заработной платы в Советском Союзе, совершенно не соответствующего уровню цен на предметы потребления, — в значительной мере является фикцией. Ведь прибавка исчисляется к среднему за год; а уровень заработной платы к концу года будет уже несколько выше годовой средней. Много ли остается в этих условиях от обещанной прибавки?

Но все это «в среднем». Действительность для громадного большинства рабочих и служащих еще гораздо непригляднее, чем об этом можно судить на основании средних данных. Уровень заработной платы за последние месяцы немного поднялся. Но ведь одновременно у некоторой части рабочих и служащих — у «первоначальных стахановцев» — заработки увеличились вдвое

второе, и это увеличение не могло не отразиться на среднем уровне. Сейчас тенденция к дифференциации заработков еще усиливается, и того увеличения фонда заработной платы, которое соответствует очень скромному повышению среднего уровня заработной платы, намеченному планом на 1936 год, едва ли хватит для повышения заработков «передовых стахановцев». Если действительно плановые наметки по заработной плате будут осуществлены, огромное большинство рабочих и служащих просто не может рассчитывать даже на минимальное повышение заработка, а над частью рабочих нависла и прямая, угроза понижения уровня заработной платы.

Какой чудовишный характер принимает нередко дифференциация заработной платы и что в действительности скрывается за данными о «средней» заработной плате, можно наглядно показать на примере предприятия, в котором зародилось стахановское движение, на примере шахты «Центральная Ирмино». «Труд» сообщил недавно (20-го января), что фонд заработной платы поднялся в шахте с 340.000 р. в сентябре до 500.000 р. в декабре и средний месячный заработок соответственно с 235 до 320 рублей. При этом из 1.500 с небольшим рабочих и служащих заработали в декабре

от 1.000 до 2.500 рублей 60 человек,

от 800 до 1 000 рублей 75 человек,

от 500 до 800 рублей свыше 400 человек.

Каковы были заработки остальных 1.000 с небольшим рабочих и служащих шахты, корреспондент не сообщает, но их легко исчислить. Если осторожно принять заработков в первой группе равным в среднем 1.200 рублям, во второй 850 рублям, в третьей 600 рублям (и число лиц, принадлежащих к третьей группе, не «свыше 400», а лишь 400), — то на эти три группы, охватывающие вместе треть всех рабочих и служащих шахты, приходится три четверти всего фонда заработной платы. Для остальных 1.000 с небольшим человек остается (по декабрьским данным) 125.000 рублей, т. е. на одного в среднем (!) всего 125 рублей в месяц. Это так ужасно, что этому трудно поверить. Вероятно, корреспондент «Труда» хватил через край, и «передовых стахановцев» на шахте несколько меньше, чем показано в корреспонденции, средний заработок основной массы поэтому немного выше 125 рублей. Разница в положении тех и других во всяком случае чудовишна, и увеличение фонда заработной платы с сентября по декабрь, повидимому, целиком пошло на пользу привилегированной верхушке.

В последние месяцы прошлого года коммунистическая печать пыталась подойти к проблеме с другой стороны. Стахановское движение должно привести к значительному росту производительности труда и соответственно к падению себестоимости продукции, т. е. в конечном счете к падению цен и повышению покупательной силы рубля. А это было бы равносильно повышению уровня реальной заработной платы даже и при неизменном номинальном уровне ее. Расчеты эти заманчивы, и успешное осуществление рационализации производства действительно должно через некоторый период времени привести к снижению уровня цен. Но все это музыка будущего, притом далеко не обеспеченного: в печати отмечено немало фактов, когда в связи со стахановским движением себестоимость продукции даже возрастала. О понижении общего уровня цен в результате стахановского движения пока во всяком случае не может быть и речи. Между тем пересмотр норм выработки и сдельных расценок уже сейчас требует от массы рабочих значительного усиления трудового напряжения без повышения или, по крайней мере, без соответственного по-

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“

за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене 100 фр. за том

вышения уровня заработной платы. — Впрочем в последнее время аргумент о предстоящем понижении уровня цен в связи со стахановским движением как-то исчез со страниц советской печати. Повидимому, и руководящих коммунистических кругах поняли, что ссылка на этот аргумент при создавшемся положении может вызвать лишь раздражение в массах да разве лишь еще оттенить нездоровые тенденции действительного развития заработной платы.

В этой обстановке новейшее усиление дифференциации заработной платы должно очень болезненно ощущаться в рабочих массах. Понимают это и лучшие среди стахановцев, не порвавшие связи с массой и не опьяненные возможностью личного преуспевания. «Правда» от 31-го января сообщила, что на состоявшемся в конце января в Наркомлегпроме совещании со «знаменитыми людьми» текстильной промышленности (приехавшими в Москву для получения орденов) «знаменитая ткачиха Одинцова резко критиковала существующую в текстильной промышленности систему заработной платы» и подчеркнула громадное несоответствие между заработками передовых стахановцев и подсобных рабочих. Один из руководителей Наркомлегпрома, — может быть, не без ехидства — задал Одинцовой вопрос: «А что если у вас немного с заработка снять и добавить обслуживающему вас персоналу?». Одинцова тут же с этим согласилась. И присутствовавшие в заседании Евдокия и Мария Виноградовы поддержали Одинцову. Правда, с тех пор на Одинцову начали коситься. Когда в начале февраля в пленуме ВЦИК'а председатель ЦК одного из союзов текстильщиков Артюхина говорила об успехах стахановского движения в текстильной промышленности и перечислила при этом поименно целый ряд наиболее выдающихся стахановок-текстильщиц, Одинцовой, первой в Советском Союзе перешедшей на 216 автоматических станков, среди них уже не оказалось («Правда» от 4-го февраля). А когда еще через несколько дней в Москве открылось всесоюзное совещание инспекторов по труду подростков и молодежи, в качестве делегаты от фабрики, на которой работает Одинцова, приехала — неожиданно для устроителей с'езда (см. «Труд» от 11-го февраля) — уже не Одинцова, всего недели за две до того избранная и утвержденная инспектором по труду подростков и молодежи, а другая работница (инспектора по труду молодежи — «общественные инспектора», исполняющие эту работу в дополнение к своей основной работе в предприятии). Это достаточно красноречивые предостережения. Они, может быть, и могут привести того или иного передового стахановца к покорности. Остановить такими мерами нарастающее в массах недовольство никому не дано. Проблема действительного под'ема жизненного уровня широких рабочих масс приобретает все большую остроту. И рабочие массы рано или поздно добьются ее разрешения — хотелось бы, после случая с Одинцовой, думать: с передовыми стахановцами...

С. Шварц.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ

НА ПЛЕНУМЕ ПИСАТЕЛЕЙ.

Трижды откладывавшийся по таинственным «организационным» причинам, 3-ий пленум союза советских писателей состоялся 10-16 февр. в столице Белоруссии.

Выбор места с'езда пал на Минск неслучайно. Сознание, что в нескольких десятках километров от Минска проходит граница, за которой начинается огромный враждебный мир фашизма, должно было быть тем общим фоном и естественным резонатором, который усиливал политическое значение всего с'езда. Этой же цели подчинена была и вся программа пленума, уделившая большое место отчетам и дискуссии по национальным литературам Белоруссии, Украины и Башкирской республики.

В области стимулирования развития национальных литератур советской властью действительно много сделано. Для успеха этого дела властью после многих лет скрытой и открытой войны заключено сейчас перемирие с теми революционно-демократическими писателями, которые в ряде республик являлись выразителями пробуждения творческих сил своих народностей. Генеральная линия совершила в области художественной политики в национальных республиках те же роковые ошибки, которые она совершила и в области своей основной политики. Она безжалостно топтала революционно-демократические ростки национальных литератур и в полицейском порядке насаждала кадры «пролетарских писателей», не останавливаясь и перед тем, что в ряде республик не было никаких социальных предпосылок для возникновения пролетарской литературы. Сейчас в этой области произошел знаменательный перелом, который нельзя не приветствовать. Литература Грузии, Белоруссии, отчасти Украины, переживает сейчас то, что в области политики пережила Советская республика во время нэпа: «попучки» фактически признаны ведущей фигурой этих литератур. Но в отличие от «попучиков» русской литературы, в большинстве своем не прошедших никакой политической школы и пришедших из политически рыхлой массы мелкой буржуазии города и деревни, стихийно пробудившейся в революции, «попучики» национальных литератур, как Колас, Янко Купала и др. были органически связаны с окрашенной в национальные цвета освободительной борьбой своих народов против царизма. Они пережили диктатуру, как огромную личную и политическую трагедию, ушли на время в себя и только на излете генеральной линии, почувствовав, что, в результате страшных жертв, созданы предпосылки для экономического подъема их народов, как-то примирились с диктатурой. Сумеют ли они в этой своей новой политической роли сохранить ту популярность, которую они завоевали когда-то, борясь вместе с народом против самодержавия, — это один из тех вопросов, которые нельзя решать теоретически, их разрешает обычно только сама жизнь.

Но ни близость границы, предрасполагавшая к сплочению, ни успехи национальных литератур, не могут скрыть от внимательного наблюдателя тот огромный и дейный кризис, который переживается ведущими кадрами собственно русской литературы. Формально в порядке дня стоял на пленуме лишь отчет о советской поэзии. Но разве дискуссия о советской поэзии не псевдоним, на самом деле скрывающий за собой дискуссию о всей советской литературе?

Чтобы понять существо переживаемого кризиса советской поэзии (и всей литературы), чтобы легче было

нащупать те невидимые простым глазом оковы, вокруг которых велась дискуссия на пленуме, продолжавшемся целых 7 дней, надо совершить маленькую экскурсию в недавнее прошлое.

Для осуществления обширной экономической программы генеральной линии диктатура вынуждена была порвать с той общественностью, которая складывалась на основе нэпа. При всех своих недостатках эта общественность была все же органически связана с основными классами победившей революции. По сути своей эта общественность была революционно-народной. Под давлением диктатуры она это свое основное качество так же скрывала, как Иванушка-дурачек в «Сивке-Бурке» скрывал драгоценный перстень от взоров завистливых братьев. Но как ни стремилась эта общественность скрыть свою социальную природу, именно это ее качество и делало ее опасной диктатуре, делало ее потенциально оппозиционной диктатуре. И в начале генеральной линии диктатура пошла на открытый разрыв с ней, ликвидировав крестьянские литературные организации, большую смешанную литературную группу «Перевал» и т. д. Непощаженными оказались и чисто пролетарские организации, в которых были произведены весьма знаменательные «переброски». Разрыв был очень болезненным. Косвенно о болезненности этого разрыва можно судить хотя бы по тому, что сами победители до сих пор избегают говорить о нем. Надо думать над смыслом происшедшего тогда разрыва не только, особенно потому, что, только имея его в виду, можно многое понять из того, что происходит сейчас на излете генеральной линии. Ведь самые радикальные политические победы не означают еще уничтожения социальных факторов, обладающих огромной живучестью. Тогда, в начале генеральной линии были уничтожены многие ценные общественные начинания, отодвинуты на задний план писатели, успевшие выявить свои крестьянские симпатии. Начался курс на «расчлениение» складывавшейся общественности, выдвигание на передний план — одописцев диктатуры, социально-деклассированных, на все готовых элементов из нэповской общественности. Они незаменимы эти люди, когда речь идет о разрушении и когда сама оторванность их от непосредственных интересов живых классов, их деклассированность, облегчает им радикальность разрушения, но они становятся ненужными, когда стихия разрушения идет на убыль, когда в широких массах вновь оживает и развивается свобода неумирающая потребность в самостоятельном творчестве.

Именно сейчас, когда страна, преодолев ценой неисчислимых жертв самые главные трудности, начинающая приходить в себя, она с особой остротой ощущает в своем теле всю невыносимость смиренного, покорной рубашки диктатуры и глухо бунтует. Победивший робок этот бунт, он направлен только против эстетических, моральных и бытовых канонів генеральной линии. Выросшие в ужасающей нищете и напряжении трудящиеся массы, хотя и другого искусства, другой тематики, чем то условное, декламационное и в основе своей глубоко пасивное искусство, которое столь пышным цветом распустилось под сенью генеральной линии.

Этот робкий бунт вряд ли недооценивает диктатуру, он ощущается во всех звеньях ее миллионного аппарата, который тоже, ведь, подвержен действию устанавливающейся в стране политической погоды.

Через свой аппарат диктатура пытается утихомирить эту просыпающуюся стихию ревизи генеральной линии, «добровольно» выбрасывая за борт как ненужный балласт «левые трюкачества». Но «левые трюкачества» это, ведь, не безликие пиротехнические игрушки, за ними стоят живые люди, создававшие их с благословения самой диктатуры. Этих людей вовсе немало, и они развращены вниманием власти и внутренне сейчас растеряны и не понимают, откуда на них идет напасть.

Первое предостережение о том, что время «левых трюкачеств» миновало, что нужны новая поэзия и литература, писатели получили от Бухарина на I-ом всесоюзном съезде писателей. Политический диагноз Бухарина был правилен тогда, только курс лечения был глубоко неверен. И это не замедлило сказаться. Практически за его формулу о том, что время Маяковского и агиток миновало, ухватились откровенные «наслажденцы», и в области поэзии наступила полосу самого отвратительного политико-лирического водолейства. Этим не преминули воспользоваться казенно-революционные поэты вроде Безыменского. Помогло им и стахановское движение, и фраза Сталина о том, что Маяковский был и остается самым большим революционным поэтом. Поэзия Маяковского действительно помогла «ведущим» поэтам, людям по своему революционному темпераменту довольно безбидным, — овладеть формой революционного стиха. И уже очень рано эта усвоенная форма революционного стиха причудливо сочеталась у них с упадочнической мешанской романтикой, приводившей в ярость Маяковского. Но его же нет, с тем большей охотой предаются они сейчас безопасным воспоминаниям о былой дружбе с ним. Реабилитация Маяковского самим Сталиным для многих из них, внутренне совсем опустошенных людей, послужила как бы тайным масонским знаком — мол, не бойтесь, поддержка вам и впредь обеспечена!

Этим ощущением продиктована была на пленуме классическая по своей бессодержательности и самодовольству речь Безыменского. Этот стареющий, обрюзгший комсомолец, у которого в творческом активе давно уже ничего нет, кроме себялюбивых перепевов и ура-барабанной тематики, не нашел ничего лучшего, как выступить в роли «хозяина страны», милостиво похлопать по плечу одного, пожурить за упадочнические настроения другого, развязно наставить на путь истины третьего. Отпор, полученный им со стороны многих выступивших, хорошо освещает жалкую фигуру этого псевдо-революционного барда.

Надо сказать, однако, что и основной доклад о советской поэзии, сделанный Сурковым, в искренности революционного темперамента которого нет оснований сомневаться, — мало содействовал выяснению подлинных причин идейного кризиса у поэтов и их отставания от действительности. Указав на заслуги поэтов в прошлом, Сурков только констатировал, что, чем ближе к современности, тем ощутительнее становится отставание от нее поэтов. Мимоходом Сурков приоткрыл завесу над причинами этого отставания, сославшись на замечание Горького, что большинство наших поэтов не избежало «однообразия драмы демократов, которым история повелевает быть революционерами». О «демократах» Сурков здесь упоминает совершенно всуе, они для него псевдоним для мирных обывателей. В этой связи интересно и письмо Горького к Суркову, частично оглашенное им на пленуме, в котором Горький грустно констатирует: «Постыдно скудны силы поэтов наших, холодные стишки пишут у нас». В ответ на замечание Суркова о трудностях совмещения «эстетических принципов с моментами политической целесообразности» (язык-то какой!),

Горький справедливо возражает, что все трудности были бы преодолимы, если бы налицо была у поэтов «искренность»: «если человек говорит искренно, так это почти всегда красиво, эстетично» (Не потому-ли, кстати, часто так безобразны предназначенные для печати новейшие писания самого Горького?).

Вряд-ли сам Сурков не понимает тех причин, которые обуславливают возникновение и рост всей этой «лягушечьей поэзии равнодушных», которая за последнее время начинает принимать характер эпидемии. Но у него не хватило революционного пороха, чтобы вскрыть корни роковых пороков советской поэзии. По существу он все свои надежды возлагает... на войну. Вот, если война вспыхнет, «все мы, ведь, советские люди» и все мы «до последней капли крови штыком и пером будем защищать нашу замечательную родину»...

Над огромной страной, после долгих лет революционных потрясений поднимающейся на более высокую материальную и культурную ступень, занесен Дамоклов меч в виде угрозы войны. В этой обстановке от «ведущих» поэтических и литературных кадров генеральной линии можно было бы ожидать, если не бесстрашия в самокритике, то, по крайней мере, революционного чутья в осознании того нового, что возникает на почве этого назревающего конфликта и что инстинктивно ищет убежища в «народности». Подлинная народность всегда революционна. И эта революционная народность — великое и мощное оружие самообороны революции. Но для того, чтобы она стала этим оружием, за нее надо упорно и страстно бороться. А вот этой-то страсти у «ведущих» поэтов как раз и нет! Они умудрились и эту «народность» «проработать», как очередное задание диктатуры.

Действительно интересны на пленуме были поэтому не они, а реакция на их выступления слушателей, эта особая, напряженная и скованная мимолетностью своей свободы жизнь реплик с мест, свидетельствующая о том, что ближайшее окружение уже не признает своих ведущих поэтов. Интересны были выступления многих национальных писателей и речь немецкого поэта Иоганнеса Бехера, очень кстати напомнившего нашим поэтам о том, что каждое стихотворение должно быть «риском», что «мы должны сохранять творческое беспокойство и в эпоху счастливой зажиточности, то беспокойство, которое когда-то нас заставило написать наши первые стихи». Много новых, внутренне-страстных и по-настоящему взволнованно-ищущих мыслей было в выступлении Пастернака. И в том, что Пастернак тихо заметил маститым поэтам, что они напрасно ждут, чтобы правление союза разрешило им быть смелыми, ибо это основная задача каждого из них, — в этом лишнее и последнее доказательство того, что поэты, претендующие на руководящую роль в советской поэзии, не выдержали экзамена ни на поэтов, ни на революционеров.

Пленумом была принята резолюция, выражающая доверие «левым» и рекомендующая равняться на Маяковского; но никогда еще, может быть, официальная резолюция не искажала так реального положения дела, как на этот раз. Ибо в действительности ведущие поэты ушли с пленума с вотумом недоверия даже того относительно узкого круга друзей-литераторов, которыми они до недавнего времени командовали. В этом основной политический смысл этого велеречивого пленума, над которым должен крепко задуматься каждый, кто искренно дорожит почетным званием революционного писателя.

В. Александрова.

„ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ тов. ЖИРОМСКИЙ“

Под таким заглавием некий А. Кар помещает в № 10 ба-зельского коммунистического «Рундшау» негодующую за-метку по поводу сделанного т. Жиромским в одной из его речей указания на преследования социалистов в Советском Союзе и напоминания о позиции, занятой в гражданской войне русскими меньшевиками, «которые не были большеви-ками, но солидаризовались с подвергшейся нападению революцией и принимали активное участие в ее защите».

Кар догадывается о том, что свои сведения о терроре про-тив социалистов в Советском Союзе т. Жиромский черпает из издаваемого секретариатом РСИ информационного бюл-летеня. О том, правильны или неправильны эти сведения, Кар и не думает говорить: это знать Жиромскому, очевид-но, неинтересно. Но зато Жиромский «должен знать», что соответствующие информационные статьи бюллетеня поме-чены буквами «П. Г.» и что под этими буквами скрывается никто иной, как «вождь меньшевиков П. Гарви». А Гарви — это тоже «должен знать Жиромский» — работал во вре-мя гражданской войны в Одессе и был злостным интервен-ционистом.

Жиромский не должен знать, что утверждения Кара на-счет поведения Одесского комитета нашей партии и, в част-ности, т. Гарви во время гражданской войны основываются на крайне «стилизованых» и прямо клеветнических за-явлениях, сделанных еще в 1931 году, в связи с известным «меньшевицким» процессом, бывшим раз'ездным агентом нашего ЦК Н. Поповым, в свое время исключенным из на-шей партии за провокаторскую деятельность на службе ЧК.

Он не должен знать, что измышления Попова тогда-же бы-ли опровергнуты т. Гарви на страницах «С. В.» («Ответ кле-ветникам» в № 3 за 1931 г.) и что тогда-же т. Гарви подчерк-нул, что восстановление единства нашей партии, поколеблен-ного в эпоху гражданской войны, состоялось на определенной платформе — «против непризнания, против блокады, против интервенции» и что лично он, Гарви, активно защи-щал и защищает эту платформу в европейской печати.

Жиромский не должен знать, что редакционная статья то-го-же номера «С. В.» напомнила, что не мнимого участия Одесского Комитета в интервенции, а лишь недостаточно враждебного отношения его к интервенции оказалось до-вольным, чтобы побудить ЦК нашей партии тогда-же (резо-люция 14 апр. 1920 г.) принять постановление о реорганиза-ции, а, если окажется нужным, и роспуске этого комитета.

Тов. Жиромский не должен знать, что наша партия не только беспощадно исключала из своих рядов всех так или иначе прикосновенных к поддержке интервенции и воору-женной борьбы против большевиков (пример: нынешний со-ветский посол в Англии Майский), но мобилизовала своих членов для борьбы в рядах Красной Армии против армий белой контр-революции и империалистической интервенции, и что заявлению о позиции нашей партии в гражданской вой-не, сделанному на 7 с'езде Советов в 1919 году тов. Даном, аплодировал, как специально отмечала тогдашняя больше-вицкая печать, «сам» Ленин.

Тов. Жиромский не должен знать, что огромное большин-ство названных бюллетенями социалдемократов, пребываю-щих ныне безвыходно в советской тюрьме и ссылке (Черев-анин, Ежов, Броунштейн, Краинхфельд, Рожковский, Ева Бройдо, Захарова и др.), не только никогда не имели ни-каких симпатий к интервенционизму, но, наоборот, самым активным образом поддерживали военную оборону револю-ции.

Всего этого и многого другого тов. Жиромский знать не должен. Единственное, что он «должен знать», это — то, что «под скромными буквами» П. Г. скрывается «вождь мень-шевиков П. Гарви». Но именно в этой своей заботе об осведомлении тов. Жиромского, А. Кар, выражаясь вульгарно, сел в колоссальную лужу. Ибо печатаемые в немецком изда-нии бюллетеня «скромные буквы» П. Г. означают не П. Гар-ви, как утверждает непрощенный осведомитель, а всего на всего «Политише Gefангене», т. е. отмечают тот отдел бюл-летеня, который дает сообщения образованной при РСИ ком-иссии о политических заключенных.

Вот это «должен был бы знать» уже не тов. Жиромский, а тот недотепа из «Рундшау», который полагает, что старые клеветы будут убедительнее, если подать их под новым со-усом невежества и догадок невпопад...

Ф. Д.

ЗАГРАНИЦЕЙ

С'ЕЗД ПРОФСОЮЗНОГО ЕДИНСТВА ВО ФРАНЦИИ.

Единство французского профессионального движения по-становлено окончательно; твердо и нерушимо. Вопрос об объединении расколатого почти в течение 15 лет француз-ского профдвижения был решен еще в конце сентября прош-лого года на состоявшихся одновременно с'ездах обеих Кон-федераций*). Зимние месяцы были посвящены упорной организационной работе по объединению всех параллельных профсоюзных организаций снизу доверху. Состоявшийся только что в Тулузе с'езд профсоюзов завершил дело об-единения.

Это был уже не объединительный с'езд, а с'езд единства: союзы пришли на с'езд уже объединенными, делегаты с'езда были избраны уже едиными организациями; но что особенно важно отметить: участники с'езда в массе своей уже внутренне преодолели раскол и чувствовали себя в гораздо большей степени членами единой Всеобщей Конфедерации Труда, чем бывшими «унитариями» или бывшими «конфедератами» (как называли себя в годы раскола сторонники «регулярной» Всеобщей Конфедерации Труда). Это внутреннее ощущение единства сказывалось на с'езде гораздо отчетливее, чем на это надеялись самые крайние оптимисты. В этом ярко сказалось, в какой мере преодоление раскола стало насущной, неотложной внутренней потребностью французского профдвижения.

С'езд должен был разрешить ряд вопросов большой принци-пиальной важности, по которым внутри французского проф-движения существовали — и отчасти продолжают существо-вать — глубокие разногласия. Препятствия на с'езде носили оче-н оживленный характер, но после ряда предварительных гово-рований, в которых определились большинство и меньшинство, все решения в окончательной форме были приняты — это может показаться невероятным — единогласно, в атмос-фере не только очень далеко идущей принципиальной соли-дарности вчерашних противников, но и в атмосфере лич-ного взаимного доверия.

С'езд прежде всего должен был заняться конституирова-нием возрожденной единой ВКТ. Но, само собой понятно, на с'езде, в котором принимали участие более 1.700 чело-век, было бы нелепо пытаться обсуждать устав ВКТ. Де-баты об уставе свелись поэтому — по молчаливому согла-шению — к обсуждению лишь трех вопросов принципиальной важности: об основных принципах, вернее, об основном принципе организационной структуры французского проф-движения, о взаимоотношениях с рабочими партиями (под-вергся обсуждению лишь один частный вопрос; см. ниже), о месте ВКТ в международном профессиональном движении.

Французское профессиональное движение построено на принципе максимальной самостоятельности всех профсоюзных организаций. Принцип этот — не вполне точно — называется здесь федералистическим. Подлинной ареной профсоюзной жизни являются здесь местные, обычно небольшие профсо-юзные организации, так наз. синдикаты, пользующиеся очень широкой автономией. Синдикаты объединены по професси-ональной линии в общегосударственном масштабе в федерации. Синдикаты каждой отдельной области («департаментальные синдикаты») объединены кроме того в областные совпрофы («департа-ментские униионы»). Но и в рамках федераций и унионов — шашающее слово принадлежит первичным синдикатам. То же относится и к общему с'езду профсоюзов (с'езду Конфедерации): каждый синдикат, если в нем имеется хотя бы один членов, имеет право своего представителя на с'езде (или передать свой голос родственному синдикату), феде-рация же и униионы посылают на с'езд делегатов лишь с совещательным голосом. При этом синдикаты почти нигде не имеют платных работников, и представители синдикатов на профсоюзном с'езде и на с'ездах и в комитетах федераций и унионов в подавляющем большинстве своем это подлин-ные выразители настроений основной массы организованного пролетариата («рабочие от станка», по популярной на-с еще несколько лет назад, а сейчас начинающей забываться терминологии).

В течение десятилетий все синдикаты независимо от их размеров, имели равное представительство на профсоюзных с'ездах. В этом равенстве больших и малых организаций на-ходил свое выражение своеобразный демократизм движени-я, не допускающий подавления большого числа мелких голосов самими крупными союзами и вынуждающий искать решений приемлемых для огромного большинства. С ростом движе-

*) См. статью «К единству профдвижения. Пути преодо-ления раскола», в № 19 «С. В.» за 1935 г., см. также ст. «Фран-цузские профсоюзы на пути к единству» в № 22 за 1934 г.

ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!

ния сохранение этого принципа в чистом виде оказалось однако невозможным, и с 1925 г. представительство более значительных синдикатов было усилено. Но о представительстве просто по числу членов и сейчас нет и речи, и замечательно, что его никто даже и не требует: демократия, как ее понимает французский рабочий, это не господство принципа большинства, а — значительно сложнее — такая система, при которой по возможности находят свое выражение **общая воля коллектива**. Не нужно, конечно, забывать при этом, что речь здесь идет о демократии внутри рабочего движения, т. е. в социально однородной среде.

В период между конгрессами ВКТ управляется **Центральным Комитетом Конфедерации** (что-то вроде пленума ВЛСПС), **не избираемым съездами**, а состоящим из представителей всех федераций (55) и всех департаментских унитариев (90). ЦК в свою очередь избирает **Административную Комиссию** в составе 35 членов, кандидатуры которых назначаются федерациями из среды живущих в Париже товарищей, и небольшое **Бюро** (секретариат) Конфедерации. Центральности в этой системе постоянных органов лежит в ЦК Конфедерации, осуществляющем постоянную связь Конфедерации со всем широко разветвленным движением.

И здесь находят себе выражение **характерные для французского профдвижения представления**: французское профдвижение склоняется к идее **непосредственной демократии**; системе **представительства** оно принимает лишь в меру безусловной необходимости. Поэтому громадное большинство французских синдикатов почти инстинктивно восстает против мысли о непосредственном избрании съездом руководящего органа Конфедерации, будет ли он называться ЦК, Административной Комиссией, Бюро или как-либо иначе. Выбранный таким образом орган, от съезда до съезда не сменяемый и подотчетный лишь съезду, неизбежно стремился бы приобрести **самостоятельный авторитет** в движении, неприемлемый с французскими представлениями о **живой демократии**, соприкасающимся, кстати сказать, с идеями **советской демократии**; конечно, лишь в теории, а не в той картине, которая называется советской системой в СССР. И важно отдать себе отчет в одном: **представления эти уже стали самостоятельным фактором развития и всякая политика, резко идущая в разрез с ними, неизбежно посягает на самые основы демократии во французском рабочем движении.**

В оживленной дискуссии, развернувшейся еще задолго до съезда и на съезде нашедшей свое завершение, вся эта система организационных взглядов подверглась решительной атаке со стороны бывших унитариев. Принципиальная сторона вопроса, правда, при этом совсем почти не затрагивалась, и вопрос ставился чисто эмпирически. Существо организационной реформы, предложенной экс-унитариями, в нескольких словах сводилось к следующему: Административная Комиссия избирается не ЦК, как было до сих пор, а съездом и в свою очередь Административная Комиссия избирает Бюро Конфедерации. Задачи ЦК соответственно значительно суживаются и он вообще превращается, в сущности, в безвластный полу-совещательный орган при Административной Комиссии. Одновременно экс-унитарии предложили исключить из устава ВКТ указание на построение ВКТ «на началах федерализма и свободы» и на «полную автономию (внутри ВКТ) организаций, действующих в согласии с уставом (Конфедерации)». Бывшие унитарии защищали эту реформу аргументами от **централизма** и демократии («съезд суверенный орган движения»). Но в действительности речь здесь шла о другом: и при теперешней «федеративной» системе французское профдвижение допускает и осуществляет далеко идущую централизацию руководства, поскольку этого требуют интересы движения, осуществляет **демократический централизм** в подлинном, а не в том условном и уродливом смысле слова, в котором этот термин употребляется в коммунистической литературе. В этом споре не между федерализмом и централизмом, а между **демократическим и бюрократическим** централизмом решительная победа оказалась на стороне первого: при предварительном голосовании (до передачи вопроса об уставе в комиссию) съезд большинством 5.700 голосов против 2.609 (при 141 воздержавшихся) высказался за сохранение «федералистской» системы.

Вторым вопросом, вокруг которого в последние месяцы велись горячие споры, был вопрос о допустимости для членов Бюро ВКТ входить в состав руководящих органов той или иной политической партии. Взаимоотношения между профессиональными союзами и рабочими партиями сложились во Франции очень своеобразно: французские профессиональные союзы в течение десятилетий находились под анархо-синдикалистским влиянием и были принципиально враждебны «политике», «политиканам», парламентаризму и проч., отвергали борьбу за завоевание государственной власти и во всеобщей стачке видели универсальное орудие освобождения рабочего класса. От этой идеологии остались лишь обломки. ВКТ давно уже очень **активно** интересуется

вопросами политической жизни и стремится энергично воздействовать на политические партии, парламент, правительство, общественное мнение в интересах рабочих масс. Как это, может быть, ни покажется парадоксальным, можно сказать, что **французское профдвижение является сейчас, может быть, самым политическим среди профдвижений европейского континента**. Но эта политика носит лишь эмпирический характер, скована идеологическими пережитками синдикализма, традиционным недоверием к «профессиональным политикам» и традиционной аполитической терминологией, затрудняющей плодотворное сотрудничество политических и профессиональных организаций рабочего класса.

Взаимная отчужденность профессионального и политического рабочего движения во Франции питается, однако, не только этой традицией, но и различием в социальной природе того и другого движения. Профессиональное движение давно уже стало здесь организованным движением масс, стало крупным **социологическим** явлением; социалистическое и коммунистическое движение, напротив, до сих пор сохраняют еще в значительной мере черты в основном **идеологического** движения, лишь в относительно слабой степени организационно охватывающего рабочие массы. Лишь в самые последние годы политическое рабочее движение начало выходить из этого зачаточного (с точки зрения массовой организованности) состояния, но раскол политического движения рабочего класса ставит это развитие в узкие рамки.

Многолетние усилия компартии преодолеть эту взаимную отчужденность политического и профессионального движения путем **подчинения** себе профдвижения*) еще более обострили положение, и когда встал вопрос о преодолении раскола профдвижения, первым и основным условием единства явилось безусловное признание полной независимости профсоюзов от политических партий. После долгих споров унитарии это условие приняли. Но на состоявшемся незадолго до Тулузского конгресса съезде компартии вожди унитариев и их кандидаты в Бюро объединенной ВКТ были вновь избраны в ЦК компартии, а затем вошли и в состав Политбюро.

Но в Тулузе вопрос был поставлен твердо: или — или. Большинством 5.508 голосов против 2.411 (при 132 воздержавшихся) съезд постановил оговорить в уставе ВКТ, что принятие на себя членом Бюро политического избирательного мандата или принадлежность к руководящему органу политической партии означают автоматический выход из состава Бюро. Бывшие унитарии заявили о своем безусловном подчинении этому решению, и **Фрашон** и **Ракамон** вошли после съезда в состав Бюро ВКТ, выйдя из состава ЦК компартии.

Значительно проще стоял вопрос о **международной ориентации**. Бывшие унитарии даже и не поставили вопроса о присоединении ВКТ к Профинтерну и отстаивали мысль о неучастии ВКТ ни в МФСР, ни в Профинтерне и о принятии ею на себя инициативы объединения обоих Интернационалов. Съезд 5.463 голосами против 2.513 (при 243 воздержавшихся) постановил однако внести в устав, что ВКТ входит в состав МФСР. Борьба за единство международного профдвижения должна вестись в рамках МФСР, и для преодоления международного раскола, подчеркивалось на съезде, остается, в сущности, сделать один шаг: шаг этот — вступление русских профсоюзов в МФСР.

После голосования всех этих положений устав был сдан в комиссию, по возвращении из которой он был принят **единогласно** при громадном энтузиазме всего съезда.

Кроме устава ВКТ в порядке дня съезда стоял всего лишь один вопрос: о конфедеральной «акции». Вопрос сводился к вопросу об отношении к **Плану ВКТ**, программе экономических и социальных мероприятий, имеющих целью энергичную борьбу с кризисом и по существу означающих приступ к организации «переходного хозяйства» (от капитализма к социализму). И по этому вопросу между унитариями и конфедератами возникли значительные разногласия; при этом с особенной отчетливостью сказалось, как наличие резко оформленных группировок само по себе является фактором возникновения разногласий.

Неискушенный читатель, вероятно, ожидает, что я расскажу ему сейчас, как План ВКТ подвергся со стороны унитариев критике, как недостаточно радикальный, что унитарии настаивали на внесении в программу более энергичных, дальнейших мероприятий. Или что унитарии особенно подчеркивали недоговоренность плана, поскольку он обходит молчанием вопрос о завоевании рабочим классом политической власти (вот где сказывается тяжелый груз синдика-

*) В 1929 г. Унитарная Конфедерация вынесла даже на своем съезде постановление о признании ею общего руководства компартии. Последствием этого была потеря унитарной Конфедерацией в течение дальнейших двух лет почти половины своих членов.

лизма) и оставляет таким образом невыясненным вопрос, кто и как будет осуществлять намеченную программу.

Ничего подобного! Плану ВКТ унитарии осенью прошлого года противопоставили было свою программу, и обособившая ее на последнем съезде унитарной Конфедерации (в конце сентября), вожди унитариев особенно подчеркивали, что программа эта должна быть осуществлена на почве капиталистического строя. Незадолго до Тулузского съезда унитарии молчаливо сняли с обсуждения свою программу и предложили — «в интересах достижения единогласия» — принять на съезде не План ВКТ, а недавно опубликованную программу Народного Фронта (см. о ней «С. В.» № 2). На самом съезде они вновь энергично выступили в защиту этой радикальной буржуазно-демократической программы, предложив дополнить ее некоторыми пунктами, формулирующими непосредственные рабочие требования. «Непосредственные» должно было обозначать, что речь идет о требованиях, не посягающих на основы капиталистического строя.

Позиция эта аргументировалась нежеланием сеять «иллюзии» в рабочем классе о возможности организации «переходного хозяйства» без социальной революции и по существу была продиктована нежеланием экс-унитариев отказаться от традиционной догмы о единственном советско-коммунистическом пути к социализму. Но на практике она свелась к пропаганде вулгаризованного реформизма и к сеянию крайних иллюзий насчет Народного Фронта.

В конце дебатов на съезде Ракамон, выступая от имени бывших унитариев, своевременно отступил: «Почему вопрос ставить альтернативно — о выборе между программой Народного Фронта и Планом ВКТ? Мы не антипланисты». Но конфедераты и не ставили никогда вопроса альтернативно и постоянно подчеркивали, что ВКТ поддерживает Народный Фронт и его программу, но решительно отказывается ограничить свои задачи этой программой и ставит себе целью принципиальное переустройство современного экономического и общественного строя. Заявление Ракамона означало признание этой точки зрения, и резолюция и по этому вопросу была принята единогласно.

Остается добавить, что на состоявшемся на следующий день после закрытия съезда заседании ЦК ВКТ были произведены выборы новой Административной Комиссии и Бюро Конфедерации, причем и при выборах было достигнуто полное единогласие. Фундамент единства рабочего профдвижения заложен прочно.

Правда, продолжающийся раскол политического рабочего движения несколько затрудняет консолидацию единого профессионального движения, но разрушить это единство он уже не сможет. Скорее наоборот: восстановление профсоюзного единства окажется фактором, содействующим преодолению раскола политического рабочего движения. И если существующие рабочие партии не смогут разрешить этой проблемы, пред ВКТ принудительно встанет задача стать самой центром политического действия французского пролетариата. Идея фактического принятия на себя ВКТ задачей широкой рабочей партии (без названия «партия») уже бродит кое-где в головах активных работников французского профдвижения и нашла в частности свое выражение в речах некоторых делегатов на сентябрьском съезде ВКТ. В исторической обстановке, требующей от пролетариата политического действия, настроения эти в новой, единой и растущей ВКТ могут только усилиться.

С. Ш.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД БЕЛЬГИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

22-24 февраля заседал в Брюсселе чрезвычайный съезд Б. Р. П. Он был созван, главным образом, для обсуждения военного законопроекта, внесенного военным министром Дэвезом. Ссылаясь на крайнее обострение военной опасности и на недостаточность континентов для защиты бельгийско-германской границы, законопроект требует значительного увеличения военных ассигнований и удлинения срока военной службы. Однако, помимо резкой критики мероприятий, предлагаемых военным министром, с точки зрения их эффективности, ряд ораторов доказывал, что наличные континенты вполне достаточны до конца октября и что внесение законопроекта противоречит условию о сохранении военного статус-кво, заключенному при образовании коалиционного правительства на весь срок предоставленных ему специальных полномочий. Поэтому спешное внесение подобного законопроекта объясняется избирательным маневром консервативных и клерикальных сил, желающих, перед лицом нарастающей гитлеровской опасности, поставить социалистов в затруднительное положение на предстоящих в мае (а в случае досрочного роспуска палаты, быть может, и раньше) выборах.

Огромное большинство съезда встало на эту точку зрения и приняло 517.515 голосами против 54.447 при 13.093 воздержавшихся резолюцию, согласно которой социалистическим депутатам поручено требовать передачи законопроекта в специальную комиссию и голосовать против законопроекта в том виде, как он внесен Дэвезом. Если же удастся добиться существенных поправок, то созвать перед окончательным голосованием новый конгресс партии. Депутатам поручено также требовать национализации военной промышленности.

Принципиальных противников национальной обороны в капиталистическом режиме на съезде оказалось немного. Главным глашатаям выступил генеральный секретарь союза молодежи Годфруа, заявивший: «мы готовы умирать, но за высокий идеал, за социализм». Однако, и Годфруа согласился на передачу законопроекта в комиссию с тем, чтобы депутаты сохраняли верность программе партии, требующей голосования против какого-бы то ни было увеличения военных расходов и какого бы то ни было продления срока службы.

Второй вопрос, которым пришлось заняться съезду, это — вопрос о женском избирательном праве. В 1921 году бельгийские женщины получили избирательное право в коммунах. Но с тех пор большинство социалистических депутатов вопреки требованию программы, пересмотренной в 1931 году, голосовало систематически против расширения женского избирательного права на провинциальные и парламентские выборы. Причина тому — опасение, что — особенно в католических районах — женщины, находящиеся под влиянием духовенства, усилят позиции реакции и ослабят позиции социализма. Но, то, чего опасались многие социалисты, на оборот служило источником надежд для многих клерикалов. Получилось, как сказал на съезде Вандервельде, парадоксальное положение: «социалисты в принципе за женское избирательное право, но голосуют против него. Католики в принципе против женского избирательного права, но голосуют за него».

И теперь, перед новыми выборами католики снова прибегают к своему излюбленному маневру и внесли законопроект о предоставлении женщинам избирательного права в провинциях (влияющих и на состав сената). Вандервельде решительно высказался за положительное отношение к этому законопроекту, указав, что противоречивая и парадоксальная позиция партии становится незащитимой и вредной для престижа партии, и что, в конце концов, сама партия не может навязать ему голосования, противоречащего программе (наряду с аплодисментами, заявление это вызвало и протесты). Но, в виду явно маневренного характера предложения католиков, Вандервельде предложил, для успокоения гонимых, опасавшихся этого маневра, выработать и принят соответствующий законопроект лишь после выборов, с тем, чтобы практическое осуществление он получил на выборах 1940 года.

Большинство комиссии 395.957 голосами против 166.077 при 19.425 воздержавшихся приняло резолюцию в духе коммюнике, предложенного Вандервельде. Но съезд, под влиянием настояний фламандских делегатов, принял другую резолюцию, предложенную ими. Эта резолюция отвергает категорически католический законопроект и, поручая партии выработать свои собственные законопроекты, устанавливающие равноправие женщин в политическом, экономическом

ZEITSCHRIFT FÜR

SOZIALISMUS

Die wissenschaftlich-theoretische Monatsschrift der deutschen Sozialdemokratie stellt sich die Aufgabe, den Kampf gegen das Hitler-Regime und die Ausübung der Macht in einem befreiten Deutschland geistig vorzubereiten.

Revolutionär nicht nur in der Bekämpfung des Gegners, sondern revolutionär auch in der rücksichtslosen Kritik an der eigenen Bewegung, setzt sie sich ihre Ziele: Freie Diskussion die grossen Probleme des Sozialismus und seiner Verwirklichung zu erörtern, aus der Blosslegung der Fehler in der Vergangenheit zu lernen und durch Analyse der Gegenwart die Gestaltung der Zukunft vorzubereiten.

Bezugspreise: Einzelheft — Fr. fr. 3.50; 1/2 Jahr Fr. frs 2.20.

Заказы просим направлять через контору «Соц. Вестника»

и-гражданском отношении, требует, чтобы время внесения этих законопроектов было указано особо для того созваным с'ездом. За эту резолюцию голосовало 395.032 голоса, против было 63.899 и воздержалось 107.937. Помимо того, 460.296 голосами против 74.379 при 25.000 воздержавшихся с'езд потребовал от депутатов строгого соблюдения дисциплины в этом вопросе. Обращает на себя внимание, что к числу противников немедленного расширения избирательных прав женщин присоединилась и т. Дэнис Дюран-Корнэ, избранная, вместе с Бушери, в президиум с'езда.

СОЦИАЛИЗМ В ЯПОНИИ.

Фашисты японской армии пытаются насильственным переворотом захватить власть в свои руки. Но в народных массах Японии, как можно судить даже по тем скудным данным, которыми мы сейчас располагаем, все больше нарастают социалистические настроения. Социализм в Японии представлен сейчас партией Сякай-тайсюто и различными «левыми» рабочими и крестьянскими группировками. Партия Сякай-тайсюто, социалдемократическая по своей программе, образовалась из слияния двух партий: Сякай-минсото и Нихон-тайсюто. Под именем «левых» выступают главным образом группы коммунистических настроений, самой крупной из которых является группа Като Кандзю. Сравнение выборов этого года с предшествующими дает следующую картину по числу завоеванных мандатов:

	1928	1930	1933	1936
Сякай минсото	4	2		
Нихон тайсюто	1	2		
Сякай тайсюто	—	—	5	18
Коммунисты	2	1		
«Левые» группы	—	—		5

Токийская газета «Асахи» полагает, что «левыми» группам удастся оторвать часть членов от Сякай тайсюто. Советская печать думает, что это предположение не лишено основания: «Известия» (24 февраля) говорят, что «группа Като Кандзю при поддержке значительной части руководства крестьянского союза «Дзенкоку номин кумиай» во главе с Сугияма действительно намечает создание новой пролетарской партии за счет известной части Сякай тайсюто».

СРЕДИ ЧЕШСКИХ КОММУНИСТОВ.

Чешская коммунистическая партия продельывает сейчас новый тактический поворот, имеющий не только местное значение: речь идет о новом толковании той «новой линии», которую формулировал 7-й конгресс Коминтерна и которая создавала более благоприятные перспективы для рабочего единства в международном масштабе.

Вернувшийся в Чехословакию из Москвы бывший руководитель чешской компартии Готтвальд, ныне член Исполкома Коминтерна, поместил в центральном органе партии статью, в которой подвергает резкой критике «неправильное, оппортунистическое истолкование и применение» нынешними вождями партии, с Швермой во главе, директив 7 конгресса Коминтерна. В качестве примеров он приводит: «неслыханная статья «Руде Право», призывавшая к усилению вооружений. Или непрерывные отвратительные комплименты по адресу Гампя. Нечаса (вожди чешской социалдемократии) и других пережившихся «левых». Или голосование за две статьи бюджета (речь идет об ассигнованиях по министер-

На складе Социал. „Вестника“

имеются следующие издания:

ЦЕНА ВО ФРАНКАХ
для подписчиков „Соц. Вестн.“

	Вместо: 40% скил.	
Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
А. Jugow: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
O. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.
R. Abramowitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.		6 fr.
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.		6 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

ствам иностранных дел и социального обеспечения). Или повторная болтовня о «смягчении классовых антагонизмов». И т. д. Особенно же недопустимым считает Готтвальд «одобрять политику вооружений» какого-либо буржуазного правительства (как быть при этом с известным заявлением Сталина Лавалю, Г. не поясняет). Все это свидетельствует, по словам Готтвальда, о полном упадке «революционной бдительности» в чешской компартии.

Через несколько дней после этой статьи Готтвальда появилось заявление Швермы. Он объясняет поведение компартии тем, что коммунисты хотели, во-первых, «засвидетельствовать, что в надвигающейся схватке сил они не будут стоять в стороне, а — на парламентской почве — будут поддерживать социалистические партии против реакции», и во-вторых, «демонстрировать против реакции... и показать свою решимость защищать основную часть внешней политики (договор с Советским Союзом) и «карту Чеха (фамилия вождя немецкой социалдемократии в Чехословакии, бывшего министром социального обеспечения) для безработных».

Теперь, после окрика Готтвальда, Шверма признает свое прежнее понимание директив 7 конгресса «ошибочным». Остается выждать, какую позицию займут ныне чешские коммунисты, и чем эта позиция будет отличаться от той, которую они занимали до «исторических» решений 7 конгресса. Чешская коммунистическая пресса во всяком случае уже сейчас возобновила совершенно старого стиля травлю с.-д. «вождей».

АМЕРИКАНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ И «ПОПРАВКА ХИЛЛКВИТА».

Наши американские товарищи ведут в настоящее время деятельную агитацию за принятие Конгрессом так наз. «поправки Хиллквита» к конституции, снова внесенной депутатом Вито Маркантонио.

Поправка эта, в свое время предложенная покойным вождем американского социализма, имеет целью уполномочить парламент принимать действительные для всей территории Соединенных Штатов законы об охране труда и социальном страховании. За отдельными штатами (которые до сих пор одни только компетентны издавать подобного рода законы

“ DER KAMPF ”

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

для своей территории) должно сохраняться право дополнять это законодательство. Если бы конституция была уже раньше дополнена «поправкой Хиллквита», верховный суд не имел бы возможности отменить изданные Рузвельтом хозяйственные законы, как противоречащие конституции.

За «поправку Хиллквита» высказались уже рабочие и фермерские организации, насчитывающие свыше 2 миллионов членов.

От редакции. — Следующий, двойной номер «С. В.» выйдет 8-10 апреля.

Настоящий номер, по условиям организационно-технического порядка, выходит без отдела «По России».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 20/2, 7/3.

Отослако: № № 4, 5, 6.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень Экон. Каб. проф. С. Н. Прокоповича. № 126, январь-февраль 1936.

Знамя России. № 2 (78), Февраль 1936.

Современные Записки. № 60.

Prométhée, N° 110. Janvier 1936.

La Révolution prolétarienne, N° 216.

Le Combat Marxiste, N° 28-29, février-mars 1936.

Our Position. Resolutions adoptet at the Chicago Convention by the Federation of the Russian Anarchist-Communist Groups of U. S. A. and Canada.

Palme Dutt. Fascisme et Révolution. Traduit de l'anglais par René Hilsum. Paris. Ed. Soc. Int.

G. Dimitrov. Lettres, notes et documents datant de ma tention et du Procès de Leipzig. Ed. Soc. Int.

Cohiers du bolchévisme, 15 févr. 1936, N° 3-4.

Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung. 1936, Nr 8, 9, 10.

Jean Zyromski. Sur le chemin de l'Unité. Ed. «Nouvelles Prométhée». Prix 3 frs.

International review, N° 2. New-York.

Zeitschrift für Sozialismus, Heft 29. Februar 1936.

Der Kampf, N° 3, März 1936.

Prinzipien-Deklaration «Бунда» в Польше (на евр. яз.), Warszawa, 1935.

Deklaracja ideowa «Bundu» Warszawa, 1935.

Prométhée, N° 111, février 1936.

Que faire? Revue communiste. N° 15. Mars 1936.

Delnicka Osveta, Nr 2.

Schul-Wegn, N° 1. 1936. Warszawa.

RS-Briefe. März 1936.

„Мировой Большевизм“ по-французски:

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DA...

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée, Paris 1934.
176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 5 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

писки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. 1 (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) Jules Martov — Le Bolchevisme Mondial и б) S. Schwarz — Lénine et le Mouvement syndical, 6) Paul Faure — «Si tu veux la paix», 7) Léon Blum — Souvenir sur l'Affaire (дело Дреффуса), 8) B. Souvarine — Staline, 9) Arthur Rosenberg — Geschichte der Deutschen Republik.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно